

И. М. МАЙСКИЙ

Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг.*

<Фрагменты>

<...>

До сих пор, излагая события мюнхенской драмы, я почти не упоминал США. Значит ли это, что великая заатлантическая держава не имеет к ней никакого отношения? Что она не несет никакой ответственности за победу фашизма и поражение сил демократии?

Нет, совсем не значит. В действительности США сыграли чрезвычайно серьезную и очень отрицательную роль в мюнхенские дни, но только они выступали более завуалированно, чем Англия и Франция. К этому Вашингтон имел и больше возможностей. Чтобы читатель мог легче понять стратегию и тактику американского правительства, приведу только один яркий пример.

5 октября 1937 г. Рузвельт выступил в Чикаго с большой речью, в которой заявил:

«Когда распространяется эпидемия какой-либо болезни, общество одобряет и принимает участие в создании карантина для больных, чтобы защищать общественное здоровье от распространения болезни».

Отсюда президент сделал вполне логичный вывод, что в интересах сохранения всеобщего мира все страны, не желающие развязывания войны, должны сотрудничать в установлении «карантина» вокруг агрессоров. Однако здесь он поставил точку. В речи не было ни слова о путях осуществления указанной

* Впервые: Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Т.: Узбекистан, 1980. С. 319, 453, 471–472, 562, 573, 580–582, 626, 628–629, 650–651. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

задачи, не было сделано и никаких практических предложений по организации подобного «карантина».

Больше того. На следующий день, 6 октября, Рузвельт устроил пресс-конференцию, на которой стал «разъяснять» смысл сказанной накануне речи. Суть этих разъяснений сводилась к тому, что он отнюдь не собирается втягивать США в рамки коллективного отпора агрессорам и вовсе не думает об отмене или модификации закона 1935 г. о нейтралитете.

Что же тогда означала чикагская речь Рузвельта? По существу только сотрясение воздуха, вызванное главным образом различными соображениями внутренней политики, в частности желанием несколько успокоить взволнованное гитлеровскими «прыжками» американское общественное мнение.

Если вы проследите за всеми выступлениями и действиями Рузвельта и его ближайших сотрудников на протяжении 1937–1938 гг., вы ясно увидите везде одно и то же: громкие слова о борьбе с агрессией и почти никаких практических мер в этом направлении. Такое впечатление еще более усиливается, когда со стороны американских руководителей вы все время слышите: «Мы готовы ко всяким действиям «short of war» (кроме войны). Именно этих последних слов нельзя было произносить, если они всерьез думали о борьбе с агрессией, ибо бандиты типа Гитлера или Муссолини понимали только один аргумент: удар кулаком.

Выступая официально против фашистской агрессии, руководители американской политики одновременно «под шумок» поощряли европейских «умиротворителей». Делалось это главным образом через американских послов в Берлине, Париже и Лондоне. Мне особенно хорошо знакома деятельность американского посла в Англии Джозефа Кеннеди (отца убитого президента Джона Кеннеди), который занимал этот пост в 1938–1940 гг.

<...>

Американцы дали англичанам полмиллиона винтовок, несколько сот орудий и 50 эсминцев — все это было вооружение, оставшееся от Первой мировой войны. Никаких новых образцов из США получено не было. В том крайнем положении, в каком Англия находилась после падения Франции, даже и это вооружение являлось большой ценностью, и я хорошо помню, с каким волнением и тревогой министры ждали тех конвоев, которые везли через океан американский «подарок». Винтовки сразу по прибытии были розданы членам отрядов «home guards»,

т. е. отрядов самообороны, призванных специально для защиты страны от вторжения; они заменили в ряде случаев охотничьи ружья, пики и дубины, которыми раньше за неимением лучшего были вооружены многие «гвардейцы». Прибывшая артиллерия вошла частью в регулярную армию, частью — в те же отряды самообороны. Эсминцы, поступившие в распоряжение английского правительства значительно позднее, сыграли свою роль в морской войне, которая все больше расширялась и углублялась.

Я не случайно поставил слово подарок в кавычки. Допускаю, что Рузвельт лично готов был предоставить американское вооружение без какой-либо компенсации, ибо, как человек крупного масштаба, он хорошо понимал, что Англия является первой линией обороны США против угрозы мирового господства Гитлера и что поэтому основной стратегический интерес США лежит во всемерном укреплении этой первой линии. Однако Рузвельту приходилось считаться с засильем близоруко-жадных дельцов в руководящих кругах страны, которые даже собственное спасение хотели продавать за доллары. В результате англо-американская трансакция 1940 г. приняла гораздо менее благородный характер. Как-то, уже много позднее, Ллойд Джордж мне сказал:

— Дядя Сэм остался дядей Сэмом... Не очень-то расщедрился!.. За это железное старье нам пришлось заплатить несколькими очень важными базами на нашей территории... Но что оставалось делать? Другого выхода не было.

Ллойд Джордж имел в виду англо-американское соглашение, о котором Черчилль заявил в парламенте 5 сентября 1940 г.: в обмен на «железное старье» британское правительство сдавало США на 99 лет в аренду территорию, расположенную вдоль восточного берега Американского континента (в Ньюфаундленде, на Бермудских и Багамских островах, Ямайке, Антигуа, Сент-Люсия, Тринидаде, в Британской Гвиане), для устройства морских и воздушных баз.

<...>

К концу 1940 г. золото и ценные бумаги, которыми располагали англичане, стали постепенно иссякать. Еще бы! На 1 ноября 1940 г. стоимость всех размещенных Англией в США заказов поднялась до двух с половиной миллиардов долларов. Надо было решать: что же дальше?

В этот момент выступил Рузвельт и еще раз показал себя крупным и смелым государственным деятелем, конечно, сугубо

буржуазным, но с широким кругозором и несомненной дальновидностью (первый раз он обнаружил такие качества в эпоху «нового курса»). Рузвельт отверг предложения, которые делались с разных сторон: предоставить Англии большой частный заем, или открыть ей государственный кредит, или (как предлагала Элеонора Рузвельт) просто пожертвовать ей нужные средства на ведение войны. Вместо всех таких форм финансовой помощи, отдающих традициями векового прошлого, Рузвельт выдвинул новый и оригинальный план, никогда еще не испытанный в истории, а именно — ленд-лиз. Суть плана состояла в том, что США будут давать Англии все необходимое для войны (вооружение, сырье, продовольствие и т. д.) «взаимы и в аренду», не требуя сейчас денег, а потом, по окончании войны, Англия заплатит США свой долг либо путем возврата полученного от них займа имущества, если оно еще сохранило свою ценность, либо путем возмещения долга новыми продуктами и товарами, либо путем какой-либо иной приемлемой для США компенсации (снижением своих таможенных тарифов для американских изделий, облегчением их доступа на имперский рынок и т. п.).

18 декабря 1940 г. Рузвельт обнародовал на пресс-конференции основы ленд-лиза. Это явилось потрясающей сенсацией не только для США, но и для всего остального капиталистического мира. Гитлеровская Германия заявила официальный протест. В самой Америке началась острая внутренняя борьба между сторонниками и противниками плана, предложенного президентом. Рузвельт в послании к конгрессу от 6 января 1941 г. заявил, что США должны быть «арсеналом демократии». Военный министр Стимсон в речи, произнесенной 16 января, защищал проект Рузвельта, доказывая, что «Англия является первой линией американской обороны против захвата мира тоталитарными державами». Рузвельта энергично поддержал, что было очень важно, республиканский кандидат в президенты Уэнделл Уилки.

После жарких споров в различных инстанциях парламентского механизма США билль о ленд-лизе в конце концов был принят и 11 марта 1941 г. подписан президентом.

Несколько дней спустя Ллойд Джордж мне говорил:

— Это наша большая победа!.. Теперь все финансовые трудности и заботы, связанные с ведением войны, для нас разрешены... Уинстону повезло больше, чем мне... Бог мой, какую страшную головоломку представляло для меня финансирование прошлой

войны! А Уинстон может сейчас всецело сосредоточить свое внимание на чисто военных вопросах.

<...>

8 апреля Иден предложил, чтобы для завершения переговоров и подписания договора в Лондон приехал советский нарком иностранных дел В. М. Молотов. Нарком, однако, ответил, что «в настоящее время он не может покинуть Москву» и что мне поручается довести вопрос о договоре до конца. Иден воспринял отказ Молотова довольно болезненно, но переговоры продолжал, хотя и без большого энтузиазма. В конце апреля Молотов вдруг совершенно неожиданно телеграфировал, что он принимает приглашение британского правительства и будет в Лондоне в мае. Я не знал причины этой перемены планов наркома и только во время его пребывания в Англии выяснилось, что решающую роль в этом сыграл Рузвельт.

Дело было в том, что в связи с разногласиями по вопросу о Договоре американский президент вступил в непосредственный контакт со Сталиным. Президента интересовали и многие другие проблемы, связанные с войной. Его идея состояла в том, чтобы лично встретиться со Сталиным и в порядке дружеского обсуждения урегулировать все спорное, что стояло между обеими сторонами. Впоследствии М. М. Литвинов, бывший тогда советским послом в Вашингтоне, мне рассказывал, что, по его впечатлению, Рузвельту хотелось беседовать со Сталиным с глазу на глаз, без Черчилля.

Это впечатление М. М. Литвинова подтверждается и моим собственным опытом. 2 февраля 1942 г. один из близких советников Рузвельта, Аверелл Гарриман, прилетел в Лондон и пригласил меня на завтрак, который состоялся 5 февраля. Мы были вдвоем, и Гарриман прямо поставил мне вопрос, нельзя ли было бы устроить свидание Рузвельта со Сталиным? Гарриману известно, что Рузвельт хочет такого свидания, — хочет ли его Сталин? В качестве места возможной встречи Гарриман предлагал либо Исландию, либо район Берингова пролива.

Я сообщил о разговоре с Гарриманом в Москву и получил оттуда ответ, что Сталин считает свидание с Рузвельтом желательным, однако ввиду напряженного положения на фронте он не может покинуть СССР и предлагает встретиться в Архангельске или Астрахани. Я передал ответ Москвы Гарриману. К тому моменту «Шарнгорст» и «Гнейзенау» уже прорвались в Северное море,

и Гарриман заявил, что при таких обстоятельствах Исландия и Архангельск как место встречи отпадают, до Астрахани для Рузвельта слишком далеко, остается только одна возможность — район Берингова пролива. Но этот район не устраивал Сталина. В итоге встреча не состоялась.

От всего рассказанного у меня осталось впечатление, что Рузвельт действительно хотел повидаться со Сталиным один на один, без Черчилля. В послании от 12 апреля Рузвельт писал:

«Возможно, если дела пойдут хорошо, как мы надеемся, мы с Вами сможем провести несколько дней вместе будущим летом близ нашей общей границы возле Аляски. Но пока я считаю крайне важным с военной и других точек зрения иметь что-то, максимально приближающееся к обмену мнениями. Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем Западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение. Поэтому я хотел бы, чтобы Вы обдумали вопрос возможности направить в самое ближайшее время в Вашингтон г-на Молотова и доверенного генерала».

Такова была предыстория визита Молотова в США. Ну, а раз он отправлялся в Вашингтон, естественно было по дороге захватить в Лондон. Отсюда последовало и неожиданное изменение планов наркома.

<...>

Надо отдать справедливость Черчиллю, он проявил совершенно исключительные твердость, последовательность и искусство в проведении своей линии при совместной с американцами разработке планов генеральной стратегии войны. И так как Черчилль очень хорошо знал, чего он хочет, а Рузвельт, — мы это сейчас увидим, — не имел вполне определенной концепции о том, как надо вести войну, то именно Черчиллю, несмотря на громадный перевес сил США, долго удавалось фактически руководить военными действиями англо-американского блока. Чрезвычайно ярко это выявилося и в вопросе о втором фронте.

Тогда, весной и летом 1942 г., мне были известны не все детали англо-американских переговоров по столь важной для нас проблеме. Из различных источников до меня тогда доходили несколько отрывочные сведения о спорах между Лондоном и Вашингтоном по этому вопросу. Однако общая картина происходившего была для меня ясна уже в те дни. Я знал, что Рузвельт склонен к ско-

рейшему открытию второго фронта в Северной Франции, но что Черчилль этому упорно сопротивляется. Я знал также, что между обеими сторонами по данному вопросу происходят длительные и сложные переговоры, но долгое время исход их для меня был неясен. Только в середине июля я наконец убедился, что в этом поединке Лондон — Вашингтон Черчилль одержал победу, и ниже я расскажу, каким образом я пришел к такому выводу. А сейчас, пользуясь опубликованными после войны материалами, я вкратце опишу, что тогда действительно происходило за кулисами официальных англо-американских отношений.

<...>

Невольно возникает вопрос: чем объяснялось столь странное, казалось бы, поведение Рузвельта в англо-американских переговорах о втором фронте?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь более ясное представление о самой личности американского президента, ибо до сих пор она овеяна дымкой легенды, сильно идеализировавшей реального Рузвельта. Перед Второй мировой войной и во время войны его часто изображали как демократа крайне левого толка, чуть ли не социалиста, как своего рода Авраама Линкольна XX в. О Рузвельте говорили, как о яром антифашисте, как о горячем стороннике самоопределения наций. Хорошо помню, как в 1934 г. Герберт Уэллс, вернувшись из поездки в США, горячо доказывал мне, что Рузвельт, не называя себя социалистом, фактически своим «новым курсом» прокладывает путь к социализму. Знаменитый писатель пришел в сильное негодование, когда я ему сказал, что, на мой взгляд, «новый курс» в действительности прокладывает путь не к социализму, а к сращиванию монополий с государственным аппаратом, т. е. к дальнейшему укреплению капитализма. Эта легенда о Рузвельте, исходившая странным образом как от друзей президента (гордившихся ею), так и от врагов президента (пугавших ею), настолько прочно укрепились, в том числе и в Советском Союзе, что долгое время мешала разглядеть действительного Рузвельта.

Между тем реальный Рузвельт не совсем походил на свой идеализированный легендой портрет. Лично мне пришлось столкнуться с ним на Крымской конференции глав трех держав*

* Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав 4–11.02.1945 — вторая по счету встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции — СССР,

в феврале 1945 г. и в течение почти десяти дней близко его наблюдать. Я имел с ним также несколько разговоров в кулуарах конференции. И вот, суммируя свои тогдашние впечатления о Рузвельте и сопоставляя их со всем тем, что мне довелось в разное время слышать и читать о нем, я составил себе такое представление о фигуре американского президента.

Рузвельт был несомненно государственным деятелем очень крупного масштаба — двумя головами выше таких людей, как его предшественник на президентском кресле Гувер или его преемник Трумэн, — но он являлся государственным деятелем вполне буржуазного толка. У Рузвельта имелись острый ум, широкий размах, громадная энергия. Он видел гораздо дальше, чем другие представители американского господствующего класса. Он понимал, что в обстановке 30–40-х годов XX столетия защита интересов этого класса требовала не совсем обычных средств, и он решительно применял их, нередко вызывая шумное сопротивление со стороны более реакционных и близоруких кругов американской буржуазии. Вопреки их воле Рузвельт, чтобы спасти американский капитализм в один из тягчайших для него моментов (мировой кризис 1929–1933 гг.), прибегал к мерам, выглядевшим весьма радикально. Однако Рузвельт всегда был и до конца остался плоть от плоти господствующего класса США, и его пресловутый «новый курс», как только что было сказано, лишь содействовал укреплению американского капитализма.

Буржуазная сущность Рузвельта ярко выявлялась и в области внешней политики. В предвоенные годы именно при нем США приняли закон о нейтралитете (1935 г.), который являлся настоящим подарком для фашистских агрессоров, ибо этот закон запрещал американским гражданам продажу оружия воюющим государствам, независимо от того, кто был агрессором, а кто — жертвой агрессии. Именно в силу этого закона США отказали Эфиопии в оружии, когда Муссолини напал на нее. Точно так же в годы испанской войны 1936–1939 гг. США поддерживали англо-французскую политику «невмешательства», являвшуюся лишь слегка завуалированной интервенцией в пользу генерала Франко, и решительно отказывались продавать оружие Испанской республике. Свое «невмешательство» американское прави-

США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвященная установлению послевоенного мирового порядка. — *Примеч. сост.*

тельство понимало так широко, что, когда в 1937 г. в Нью-Йорк прибыло судно с пятью сотнями детей, эвакуированных из Испанской республики в Мексику, им не было позволено сойти на берег для продолжения своего пути к месту назначения через территорию США.

Конечно, Рузвельт как крупный политический деятель раньше других понял опасность гитлеризма для мировых позиций США и сделал отсюда необходимые практические выводы. Он даже пошел на столь беспрецедентный акт, как участие в антигитлеровской коалиции вместе с Советским Союзом, — этого до сих пор ему не могут простить американские мракобесы. Однако, сражаясь бок о бок с Советской страной, Рузвельт тем не менее оставался верен своей буржуазной сущности, и это очень наглядно проявилось в его позиции по вопросу о втором фронте.

Я уже говорил, что американский план ведения войны, который с санкции президента был выдвинут Гопкинсом и Маршаллом на англо-американском совещании в апреле 1942 г., исходил из чисто военных соображений и лишь в последнюю очередь учитывал требование СССР об открытии второго фронта в Северной Франции. Рузвельт считал врагом № 1 Германию и хотел прежде всего ее разгромить. Япония была для него враг № 2. С точки зрения общей стратегии войны, это было правильно. Однако в США тогда имелась влиятельная группировка, возглавляемая командующим американскими военно-морскими силами адмиралом Кингом, которая считала, что врагом № 1 является Япония. Когда летом 1942 г. благодаря сопротивлению Черчилля против организации «Оверлорда» выяснилось, что потребуется 12 месяцев подготовительной работы для осуществления данной операции в 1943 г., т. е. 12 месяцев внешней пассивности на фронтах, Рузвельт испугался: не использует ли группировка Кинга эту пассивность в своих интересах? Не сумеет ли она «убедить» решающие силы США в том, что врагом № 1 должна считаться Япония?

Борьба против такой опасности могла вестись двумя путями: или надо было оказать сопротивление Черчиллю и добиться осуществления «Оверлорда» в 1942 г., что, учитывая разницу в соотношении сил между США и Англией, было вполне возможно, или же надо было пойти на поводу у Черчилля и, отказавшись от «Оверлорда» в 1942 г., поискать какого-либо другого фронта в Европе или Африке, где американские солдаты теперь же,

осенью 1942 г., схватились бы с германским фашизмом. Рузвельт выбрал второй путь, потому что это подсказывали ему все инстинкты, навыки, расчеты, надежды, понятия буржуазного государственного деятеля.

Так получилось, что летом 1942 г. в вопросе о втором фронте победу одержал Черчилль.

<...>

Конференция в Касабланке происходила 14–23 января 1943 г. Сталинградская битва еще не была закончена, но исход ее уже был предрешен. Это обстоятельство оказало сильнейшее влияние на то, что там происходило. Настроения Рузвельта и Черчилля во время конференции можно охарактеризовать примерно так: «Русские прекрасно дерутся; они сами справятся со своими делами; мы, англичане и американцы, можем теперь заняться осуществлением своих собственных планов; надо только поддерживать у русских доброе состояние духа, для чего достаточно широкого потока снабжения, усиления воздушных бомбардировок Германии и, конечно, красивых обещаний».

<...>

Формулировки Рузвельта и Черчилля носили столь каучуковый характер и содержали так много оговорок, что я решил поговорить лично по этому вопросу с британским премьером. Вот что записано у меня под датой 9 февраля:

«Что касается операции через Ла-Манш, — говорит Черчилль, — то, право, затрудняюсь сказать сейчас что-либо определенное. Мы, англичане, смогли бы выделить для этой цели 12–15 дивизий... а американцы...

Тут Черчилль недоумевающе пожал плечами и воскликнул:

— Пока у американцев здесь только одна дивизия!

— Как одна? — с удивлением отозвался я. — Вы говорили мне в ноябре, что в Англии стоит одна американская дивизия, — неужели с тех пор ничего не прибавилось?

— Так оно и есть! — отозвался Черчилль. — С ноября американцы не прислали ничего.

— А сколько американских дивизий вы ожидаете к августу? — поинтересовался я.

— Если бы я знал! — с комическим отчаянием откликнулся Черчилль. — Когда я был в Москве, я исходил из того, что американцы к весне 1943 г. доставят в Англию 27 дивизий, как они обещали. Из этого я исходил в разговорах со Сталиным. Но где

они, эти 27 дивизий?.. Сейчас американцы обещают к августу только четыре-пять дивизий... Если они сдержат свое обещание, то операция через Ла-Манш будет проведена силами в 17–20 дивизий...

Черчилль вдруг рассмеялся, точно вспомнил что-то очень забавное, и спросил меня:

— Как вы думаете, сколько человек содержит американская дивизия?

Я с некоторым недоумением ответил:

— Точно не знаю, но, думаю, вероятно, 18–19 тыс.

— Правильно, — еще громче захохотал Черчилль, — если считать только бойцов... А если считать и весь обслуживающий персонал, то 50 тыс.!

Я невольно ахнул.

— Как 50 тыс.?

— А так, 50 тыс.! — еще раз воскликнул Черчилль и затем с явным сарказмом в голосе начал считать. — Чего только нет в американской дивизии!.. Ну, конечно, транспорт, медицинская служба, интендантство и пр. Это все в порядке вещей. Но дальше!.. Два батальона прачек, один батальон стерилизаторов молока, один батальон парикмахеров, один батальон развлекателей, один батальон портных, один батальон сапожников... Ха-ха-ха!.. Мы бросили в Северную Африку почти полмиллиона войск, а всего-то навсего это составляет 10–11 дивизий.

Черчилль еще раз рассмеялся и прибавил:

— Мы, англичане, в этом отношении плохи, но американцы еще хуже».

<...>

Конечно, основную роль на конференции играли три ее руководителя, и потому, для лучшего понимания дальнейшего изложения, небесполезно остановиться здесь хотя бы вкратце на характеристиках наших иностранных партнеров.

Президент США Франклин Делано Рузвельт был, несомненно, очень крупным государственным деятелем, деятелем буржуазного типа.

Нельзя отрицать, что Рузвельт в рамках буржуазного понимания вещей являлся прогрессивным и дальновидным государственным деятелем. В частности, это сказывалось в области международных дел. Рузвельт хорошо понимал опасность фашизма как очага агрессии против других стран и народов

и в предвоенные годы не раз выступал с резким осуждением его политики. Однако он не находил в себе силы поддержать советскую политику коллективной безопасности, которая одна только могла обезвредить Гитлера и Муссолини. Фактически в те решающие дни Рузвельт как типичный либерал говорил хорошие слова, но воздерживался от хороших дел, и тем самым объективно лил воду на мельницу «умиротворителей» агрессоров. К чему привела такая политика, политика Чемберлека и Даладье, нет надобности повторять.

Уже в ходе Второй мировой войны Рузвельт сделал два своих самых крупных и наиболее прогрессивных шага: пошел на прочную коалицию с Советским Союзом и провел закон о ленд-лизе, распространив его применение также и на нашу страну. Однако в вопросе о втором фронте Рузвельт занимал колеблющуюся позицию. Правда, к моменту Крымской конференции второй фронт уже существовал (главным образом потому, что англо-американцы боялись прийти в Берлин позже Красной Армии). Но все-таки, садясь в Ливадийском дворце за один стол с американским президентом, мы не вполне ясно представляли себе, чего от него можно ожидать.

Глава английской делегации Уинстон Черчилль был гораздо более определенной фигурой, чем Рузвельт. Черчилль был также крупным государственным деятелем, но вокруг его имени не сплеталось никаких розовых фантазий. Всем было хорошо известно, что Черчилль консерватор и империалист, однако человек с большим размахом и незаурядной гибкостью.

В 1918–1920 гг. Черчилль был одним из активных организаторов интервенции в Россию, но после прихода Гитлера к власти в Германии он стал сторонником тройственного блока — Англии, Франции и Советского Союза. Не его вина, если такой блок не осуществился. Ответственность за это несут те люди, которых представляли Чемберлен и Даладье.

В ходе войны Черчилль тоже сделал два своих наиболее крупных и прогрессивных шага: в 1940 г., когда после падения Франции он не пошел на мир с Германией, и 22 июня 1941 г., когда он сразу и безоговорочно обещал Советскому Союзу поддержку Англии.

Однако в дальнейшем позиция Черчилля стала меняться. Он весьма сложно маневрировал, исходя из своего понимания интересов Британской империи в каждый данный момент. Это

понимание далеко не всегда было правильно даже с точки зрения длительных интересов самой Англии и нередко приводило Черчилля к серьезным ошибкам, он превратился в упрямого противника второго фронта, стремился переложить главные тяготы войны на плечи советского народа, увлекался собственными имперскими интересами в ущерб интересам других союзников, в особенности Советского Союза. И вот теперь, в Крыму, нам предстояло вместе с британским премьером решать важнейшие проблемы послевоенного устройства мира.

